

Павел Владимирович Засодимский

Разрыв-трава

Павел Засодимский

Разрыв-трава

«Public Domain»

1914

Засодимский П. В.

Разрыв-трава / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1914

«...Как в чаду похмелья, закружилась голова у доброго молодца. Прошло ни много ни мало времени, очнулся он. Девушки-друга, верного спутника, как не бывало! А Любивый, вместо нее, обнимал серый, мшистый пенек старой березы... Тут он догадался, что сердце ввело его в обман, что его верная спутница была лишь одно лживое видение...»

Павел Владимирович Засодимский

Разрыв-трава

За синими морями, за высокими горами, за лесами дремучими, за песками сыпучими, в чужедальной земле, жил-был один почтенный старик. Перед смертью он созвал к себе всех нищих той страны...

– Нищая братия! – шамкал старик своими беззубыми челюстями. – Знаю я, что у вас ничего нет... Но у вас могло бы быть много...

Старик закашлялся и стал задыхаться. А нищие-оборванцы, обступив его кругом и затаив дыхание, жадно прислушивались к каждому его слову.

– Вот вам мое завещание! – слабым голосом продолжал старик. – Выберите вы из своей голи человека самого крепкого, сильного да смелого... Много испытаний будет ему... И пошлите вы этого сильного да смелого на край света белого, в тот лес непроходимый, где за каждым деревом в потемках лешие с ведьмами в прятки играют.

Старик опять закашлялся и бормотал все несвязнее и несвязнее. Нищие ближе к нему понадвинулись.

– Среди леса стоит избушка с красным оконцем, – чуть слышно говорил умирающий, – а на крыше – на коньке – сидит дряхлый, седой ворон и каркает прямо на восток день и ночь. В этой самой избушке живет старушка; ей ровно триста лет и три года. Она-то и знает про ваше богатство. От нее вы узнаете: что у вас могло бы быть, если бы...

Тут старик захрипел и умер.

В раздумье разбрелась голь перекатная по своим трущобам и норам.

«Что бы такое значило «если бы»? – рассуждали нищие. – Ну, задал старик загадку! Ведь угораздило же его умереть на этом самом слове... Может быть, сбреднул старый? Последнее-то время, говорят, его из ума вышибало... А может быть, в самом деле слышал что-нибудь? Кто ж его знает!...»

– Ну, так и быть! – решила нищая братия. – Выберем самого сильного, крепкого да смелого и пошлем его в дремучий лес, на край света белого!.. Пускай ту старуху поищет!

Все единогласно выбрали Трусивого.

Храбрости Трусивого никто не пытал, а сила у него была страшная, про то ведали: двадцать человек не подступай – раскатает! И нравом был крепок, жизнь вел самую умеренную. И смирен – даром, что этакая сила сидела в нем: мухи, бывало, не обидит... Трусивый не ослушался мирского приговора, взял в руки по палице – в 50 пудов каждая – и пошел. Идет.

Народ-то смотрит на него да сторонится – диву дается.

А Трусивый только ухмылялся: «вот, дескать, каков я!...»

Шел-шел Трусивый. Сапоги износил он, на дороге бросил; палицы поистерлись – у каждой по 10 пудов весу сбавилось. Наконец, приходит он на край света белого, к лесу дремучему. Лес темный-темный, ни зги в нем не видно, и конца ему, кажется, нет. Вступил Трусивый в лесной сумрак, в тишь лесную, смутился духом и вздрогнул, как осиноый лист. Тут разом припомнились ему все ужасные поверья и бывальщины. Из-за каждого дерева, казалось ему, чей-то хвост торчит, чьи-то уши из-за листьев мелькают. Ему уж послышалось вдали и дикое ржание, и визг, и хохот. Ему уже чудилось, что лесная сила на него наступает, и за пнями, за кустами мерещились ему всякие безобразные чудовища... Храбрым Трусивый никогда отроду не был, а теперь в лесу и подавно напала на него трусость великая.

Немного шагов сделал он и скоро во мраке разглядел в стороне избушку. Подошел он к этой маленькой избушке и тихонько постучал в оконце.

– Эй, отзовись, коли есть живая душа! – взмолился он и задрожал пуше прежнего, заслышав звуки своей речи: ему почудилось, что в лесу как будто кто-то его передразнивает, смеется.

У Трусивого со страху зубы застучали... Трепетно прилип он к маленькому оконцу и отшатнулся. В тот же миг оконце отодвинулось, из него показалась взъерошенная старушечья голова с грязной тряпицей вместо платка на седых всклокоченных волосах.

– Для чего ты, добрый молодец, покой мой смущаешь? – сердито спросила старуха, протирая свои заспанные глаза.

– Скажи мне, родная, – обратился к ней странник: – как мне пройти в самую середину леса к той баушке, что живет на свете ровно триста лет и три года?

Старуха как бы в недоумении широко раскрыла глаза.

– Гм! – промычала она. – Трудное дело ты задумал. Длинна дорожка до той-избушки... Придется тебе идти до нее лет тридцать, а может, и побольше... Да смотри, не пугайся!.. (Тут старуха улыбнулась, оскалив остатки своих почерневших зубов.) Станет нападать на тебя наша сила лесная, – крепись! Ежели не испугаешься, то долго ли, коротко ли, добредешь, куда тебе надо. А если побежишь, – пропала твоя головушка! Не найти тебе дороженьки ни вперед, ни назад, так и станешь блуждать по лесу веки вечные. Сгинешь!.. Ну, вот иди по этой тропинке да помни: не сворачивай с нее!..

Старуха, зевая, указала ему костлявой рукой на тропинку, заросшую травой, и захлопнула окно. У Трусивого зуб с зубом не сходится, по телу мурашки побежали, и волосы вставали дыбом. Посмотрел Трусивый за темные, вековые сосны и ели; их толстые, мшистые ветви, как длинные и цепкие руки бесчисленных лесных духов, простирались над ним... Понурился, пошел Трусивый вперед маленькими шагами – шагами воробьиными. «Не воротиться ли лучше подобру-поздорову, пока не поздно?» – раздумывал детинушка, не зная, что делать и с палицами и со всей своей силой богатырской. Что поделаешь с палицами противу силы нечистой! Мысль «уйти из лесу подобру-поздорову» шибко пришлась ему по сердцу; она-то и мешала ему подвигаться вперед. Шагнет Трусивый, да и остановится, озирается по сторонам, нюхает: чем пахнет, не смолой ли, не серным ли, едким дымом? И все думает: «не воротиться ли?..» Оглянулся, а избушки уж не видать за деревьями. Холодный пот крупными каплями выступил на лбу у Трусивого, и руки отяжелели, а ноги – словно свинцовые, и язык онемел, как сухая щепка лежит во рту, не шевелится. Страх обуял доброго молодца, но все-таки он еще шагнул раз.

И вдруг поднялся ветер, зашатались деревья, заскрипели, треск и вой пошел по лесу. Помутилось в глазах у Трусивого, покатались палицы на землю, опустились рученьки могучие. «Конец пришел!» – мелькнуло у него в голове.

Вот выскакивают на него из-за деревьев чудища косматые, безобразные, гадкие, машут своими темными крыльями, шипят, свистят, грозно сверкают на него огненными очами. То весь лес с верхушек до корней ползучих красным полымем осветит, словно заревом, то вдруг тьма кромешная упадет. А по лесу-то из конца в конец хохот, грохот раскатывается, гул гудит, стон стоит... Тут почудилось Трусивому, что кто-то мохнатой лапой хватает его за ноги, за шею, тащит за волосы, за бороду дерет, а отмахнуться – моченьки нет. Набралось много силы бесовской, а Трусивому с перепугу показалось ее вдвое более. Лесная сила все прибывала да прибывала; сползлась, слеталась она со всех сторон... Шатнулся Трусивый с тропинки и побежал от нее без оглядки, как заяц... Разом все смолкло. Оглянулся Трусивый – нечисть исчезла, а все было спокойно и тихо в глубине лесной. Стал он искать тропинки; нет тропинки, – и найти не мог. Так он с той поры и пропал без вести...

* * *

Напрасно ждала нищая братия своего могучего богатыря, не дождалась и решила, что, видно, с ним что-нибудь недоброе приключилось. Выбрали опять сильного, крепкого да смелого, разудалого, лихого молодца – Любивого. Даром, что молод был Любивый, но в силе его

никто не сомневался – ни стар, ни мал; смелость свою он уже доказал не однажды на деле. Человек был жизни хорошей, примерной...

Взял он с собой одну дудочку и смело вошел в лес. Тотчас же, за первыми деревьями, увидел он избушку и, не долго думая, постучал кулаком в окно.

– Кто тут есть? Отзовись-ка! – крикнул он без всякой опаски.

Отодвинулось оконце, выглянуло в него заспанное старушечье лицо и послышался брюзгливый, недовольный голос:

– Эй тебя развозило! Ополоумел, что ли!..

– Скажи-ка мне лучше, – перебил молодец, подбоченившись: – как тут пройти в середину леса к баушке, что живет на свете ровно триста лет и три года?

– Прыток ты, я вижу! Прыток... Да путь-то долог! Смотри, парень! – брюзжала старуха. – Не умаялись бы твои косточки, не изменила бы тебе твоя молодость. Укатали не одного такого бурку, как ты, крутые горки. Знай же: нападет на тебя наша сила лесная, станет пугать тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.